

АНИЦИЙ ПРОБИН – ПЕРЕВОДЧИК ЭПИГРАММ КОРПУСА *EPIGRAMMATA BOBIENSIA*

Один из последних крупных античных текстов, ставших достоянием филологов, – *Epigrammata Bobiensia*, открытые А. Кампаной¹ и в 1955 г. впервые изданные Ф. Мунари;² некоторые из этих стихотворений (в основном эпиграмм) уже были известны исследователям по ранним изданиям Авзония³ и вошли в образцовое издание этого поэта, подготовленное Р. Пейпером.⁴ Последний считал их продуктом гуманистической эпохи,⁵ и потому эпиграммы, приведенные в качестве приложения, не привлекали к себе внимания филологов. С открытием их античного происхождения ситуация изменилась. Дополнительный интерес предмету придает любительский характер новообретенных пьес.⁶

Ф. Мунари полагал, что все стихотворения сборника, кроме нескольких, где имеется утверждающий иное титул, – гекзаметрического опуса Сульпиция (37), эпиграмм Домиция Марса (39–40) и Аниция Пробина (65), – принадлежат перу поэта, который упоминает свое имя в тексте эпиграмм 2, 5, 6 и 7 (Юлий или Юний Науцеллий) и несомненно является автором эпиграмм 2–9. Что же касается остальных, Мунари приписывает их тому же автору и аргументирует это следующим образом: “1) расположение эпиграмм выдает руку древнего составителя...; было бы странно, если бы он не знал имя автора целых 58 пьес из 71, входящей в сборник; 2) в то время как в пьесах, не принадлежащих Науцеллию, обозначено имя автора..., в остальных случаях мы сталкиваемся с противоположным принципом...; 3) *inscriptiones* 2–9, т. е.

¹ Vaticanus Latinus 2836 (XV–XVI в.). содержащий 71 эпиграмму и восходящий (издатель не был уверен в том, что непосредственно) к утраченному Codex Bobiensis.

² *Epigrammata Bobiensia*. Detexit A. Campana. Edidit F. Munari. II. Introduzione ed edizione critica a cura di F. Munari (Roma 1955).

³ Veneta³ a. 1496. curante H. Avantio (Б. Мерула добавил к этому изданию эпиграммы 14, 15, 24, 27, 28, 31, 33, 43, 45, 47, 49, 55, 56, 60, 61, 66, 67, 69); Parmensis a. 1499. curante Th. Ugoletto (с добавлением эпиграмм 36, 41, 52–54, 65, 68); Veneta⁴ a. 1507. curante H. Avantio (с добавлением эпиграммы 39).

⁴ *D. Magni Ausonii Burdigalensis Opuscula*. Rec. R. Peiper (Lipsiae 1886) 413–432.

⁵ См. также рецензию Отто Вейнрейха на изд. Мунари: O. Weinreich // *Gnomon* 31 (1959) 239–250.

⁶ По высказыванию Александра Иосифовича Зайцева, именно потому этот текст – ёрмалов, “бесплатный обед” для исследователя.

эпиграмм, несомненно принадлежащих Науцеллию, как представляется, восходят к самому автору; 4) язык эпиграмм в разных местах сборника демонстрирует некоторые симптоматические общие черты... Как объяснить такие совпадения в тесном кругу 435 стихов – даже 365, если не считать Сульпиции? Общая среда? Конечно, это возможно. Но кажется более вероятным допустить, что у всех пьес один автор”.⁷ Издатель предположил утрату начала сборника и описал его композицию как содержательную последовательность: эпиграммы личного характера (2–9), на произведения искусства (10–21), гномические (22–29), эротические (30–36). Вторая, более пестрая часть содержит эпиграммы надгробные, насмешливые, гномические, эпидейктические, личные вперемежку.

Особый раздел во введении Мунари был посвящен проблематике перевода. Большая часть греческих оригиналов дошла до нас в составе IX книги Палатинской антологии (14 пьес), далее идут XVI (5), V и XI (по 4) и VII (3 эпиграммы); из авторов предпочтение отдается Лукиллию, Антипатру Сидонскому, Палладу и прежде всего Псевдо-Платону. Мунари не сомневается в знакомстве переводчика с творчеством Авзония и высоко ценит достоинства перевода: “Учитывая значительную степень свободы, с какой Авзоний обращается со своими образцами, наши эпиграммы... более тесно примыкают к греческому тексту, как бы желая показать, что большая верность не составляет приговора для эстетических достоинств: напр., 14, 29 и 62 эпиграммы – лучше или по крайней мере не хуже авзониевских”.⁸ Таково же его мнение об *epigr.* 15 и 46; для остального признается невысокое качество результата.

Работа Мунари была встречена тепло. Отто Вейнрейх, допуская вслед за Мунари, что Науцеллий включил в свой сборник чужие эпиграммы, поставил, однако, новые вопросы: “Пока наши сведения о рецепции Паллада у римлян ограничивались неопределенного происхождения Авзонияной старых изданий, она не представляла собой сколько-нибудь значимой проблемы; эти пьесы могли быть гуманистическими. Но теперь Паллад стал ‘казусом’, которым необходимо заняться...” Второй вопрос связан уже не с объективными показателями, а с пожеланиями филолога: “Можно ли и нужно ли рассматривать все эпиграммы как произведения Науцеллия? Мунари склоняется к этому, но иногда говорит и об ‘авторах’... Могут ли некоторые из этих эпиграмм все-таки принадлежать Авзоню – Науцеллий мог бы знать их как произведения из его наследия, но не быть уверен в их

⁷ Munari. *Op. cit.* II. 29–30.

⁸ *Ibid.*, 38.

авторстве и включить в сборник без имени?»⁹ Правда, Яхман¹⁰ и Дальман не согласились с тем, что Науцеллий мог быть составителем корпуса. Переводы Дальман считает безусловно точными и полагает, что в действительности их в сборнике больше.¹¹

Однако версия Мунари продержалась недолго. Уже в 1959 г. вышла монография Вольфганга Шпейера, посвященная эпиграммам из Боббио. Она содержала подробный и обстоятельный разбор 25 эпиграмм (по большей части не переводных), а также опровержение выводов об авторстве, основанное на метрических соображениях (весьма, на наш взгляд, убедительных)¹² и аргументах такого характера: совпадение содержания скорее может объясняться имитацией;¹³ если Науцеллий сам написал и составил сборник, то как он мог забыть имя друга, писавшего на ту же тему (речь идет об эпigramме 38 с титулом *Cuiusdam in Aquas Maternas*)? Шпейер оставляет Науцеллию стихотворения 1–9, 48, 57 и – с оговорками – 25.

Большая часть критиков согласилась с его аргументацией. Андре Луайен оценил работу Шпейера как “серьезное исследование, представляющее ограниченный интерес в силу своего предмета и посредственности анализируемых стихов, но прекрасно исполненное”.¹⁴ В том же духе высказался и Х. Хаффер. Д. Кейпер отметил несколько опечаток и упрекнул Шпейера в слишком поспешном использовании конъектур предшественников. В том же журнале П. Я. Энк выразил согласие с его аргументацией против версии Мунари, высоко оценив издание последнего.¹⁵ Не без некоторого скептицизма отнесся к аргументации Шпейера В. Шмид: “Шпейер полагает – типично в этом отношении его программное заявление на с. 10, – что его обстоятельный анализ эпиграмм, без сомнения принадлежащих Науцеллию, вполне способен дать годные к использованию критерии, с помощью которых была бы принудительно доказана невозможность атрибуции Науцеллию некоторых эпиграмм, дошедших без имени автора”. Рецензент не разделяет этого оптимизма – и тем сильнее подчеркивает это, что в принципе весьма охотно допускает наличие в сборнике стихотворений, не принадлежащих Науцеллию.¹⁶ С некоторыми скеп-

⁹ Weinreich. *Op. cit.*, 243; 246. Даты жизни Науцеллия – приблизительно 310–405 гг., Паллада – 350/360–425/435 гг.

¹⁰ В разговоре; см.: W. Schmid // *Gnomon* 32 (1960) 345.

¹¹ H. Dahlmann // *Gymnasium* 63 (1956) 559–560.

¹² W. Speyer. *Naucellius und sein Kreis. Studien zu den Epigrammata Bobiensia* (München 1959) 85 ff.

¹³ *Ibid.*, 6–7.

¹⁴ A. Loyen // *REA* 62 (1960) 202–204.

¹⁵ H. Haffter // *MH* 18 (1961) 48; D. Kuijper // *Mnemosyne* 13 (1960) 373–375; P. J. Enk // *Ibid.*, 185–187.

¹⁶ Schmid. *Op. cit.*, 348; 360.

тическими замечаниями, но в целом положительно отнесся к работе Шпейера А. Бардон.¹⁷ М. Дзикари отмечал: “Эта книжка, если и не решает удовлетворительно всех поставленных Мунари вопросов, вносит значительный вклад в понимание предмета”.¹⁸ Р. Браунинг считал, впрочем, аргументы обоих издателей одинаково неубедительными.¹⁹

Насколько нам известно, в дальнейшем *Bobiensia* не становились предметом отдельного исследования.²⁰ В составе сборника из 71 пьесы 32 переводные: *epigr.* 10–15, 18–20, 25, 26, 28–32, 34–35, 44–46, 49, 55–56, 62–65, 67–69, 71; из них две – 68 и 69 – “из Демосфена” и в рамках нашей работы рассматриваться не будут. Некоторые стихотворения восходят к тем же оригиналам, что и переводы Авзония: *epigr.* 28 – к *AP* XVI, 174, как и *Aus. epigr.* 12; *epigr.* 29 – к *AP* IX 44–45 (*Aus. epigr.* 35); *epigr.* 62 – к *Hes. fr.* 304 Merkelbach – West (*Aus. Ecl.* 4).

Наше предположение заключается в том, что у большинства переводных эпиграмм в корпусе *Bobiensia* один автор – а именно Аниций Пробин, чье имя стоит в титуле *epigr.* 65.²¹ Мы начнем с более подробного анализа этой эпиграммы, а затем обратимся к тем переводам из рассматриваемого цикла, которые у нас есть возможность сравнить с авзониевскими.

¹⁷ H. Bardon // *Latomus* 20 (1961) 598.

¹⁸ M. Zicàri // *ASNP* II, 28 (1959) 327.

¹⁹ R. Browning // *CR* II (1961) 88–89.

²⁰ В новейшей истории римской литературы фон Альбрехта (M. von Albrecht. *Geschichte der römischen Literatur I–II* [München – New Providence – London – Paris 1994]) в именном указателе Науцеллий (которому посвящены работы Мунари и Шпейера) отсутствует; тем менее удивительно, что там нет имени Аниция Пробина, которому в *Epigrammata Bobiensia* приписывается всего одна эпиграмма. Не рассматриваются эпиграммы корпуса из Боббио и в фундаментальной работе об античном переводческом искусстве: A. Seele. *Römische Übersetzer. Note, Freiheiten, Absichten. Verfahren des literarischen Übersetzens in der griechisch-römischen Antike* (Darmstadt 1995).

²¹ В. Шпейер (Speyer. *Op. cit.*, 120) в силу низкого качества стихов и ошибки в долготе (*insidens*: 55. 1: 56. 1: 65. 1) предположил, что Аницию Пробину принадлежат *epigr.* 55 и 56; Дзикари и Шмид указали на несостоятельность этого его аргумента. Впрочем, Шпейер завершил свою работу следующей репликой: “В качестве автора фигурирует и Аниций Пробин с эпиграммой 65, весьма уступающей Науцеллию. Тому же поэту – ему, впрочем, вряд ли подобает это название – принадлежат эпиграммы 70, 55 и 56. Не исключено, что он и неизвестный автор 38-й (26-й; 29-й) эпиграммы – одно и то же лицо. Из стихотворений, не рассмотренных здесь, вряд ли многие принадлежат Науцеллию. Немалое их число – того же уровня, что и пьесы Аниция Пробина и анонимного автора 38-й эпиграммы. Критическое сопоставление, по-видимому, может привести к новым результатам” (с. 122). Не разделяя критического пафоса этих слов, мы с удовольствием отдаем должное прозорливости их автора: наше исследование, по-видимому, подтверждает его гипотезу.

Epigr. 65²²

ΛΟΥΚΙΛΛΙΟΥ ΑΡ ΧΙ, 104:

Ἴππεύων μύρμηκι Μενέστρατος ὡς ἐλέφαντι
 δύσμορος ἐξαπίνης ὑπτιος ἐξετάθη,
 λακτισθεὶς δ', ὡς εἶχε τὸ καίριον· ὦ φθόνε, φησὶν.
 οὕτως Ἴππεύων ὤλετο καὶ Φαέθων.

Faustulus insidens formicae ut magno elephanto
 decidit et terrae terga supina dedit,
 moxque idem ad mortem est mulcatus calcibus eius,
 perditus ut posset vix retinere animam.
 vix tamen est fatus: "quid rides, improbe livor,
 quod cecidi? cecidit non aliter Phaethon".²³

Шпейер считает перевод далеко уступающим оригиналу по своим достоинствам; в целом с его критикой можно согласиться. Прежде чем приступить к анализу переводческой техники Пробина, перечислим основные отмеченные немецким исследователем расхождения: изменение имени (это явление встречается и в переводах Авзония), больший по сравнению с оригиналом объем; ненужная обстоятельность,²⁴ неудачное употребление *terga dare* в дословном понимании, а не в обычном – "обратиться в бегство"; бесцветные добавки *magno, improbe*; недостаточно умелое сочетание вопроса *quid rides*, заимствованного у Горация (*Sat.* I, 1, 69) с отвлеченным *livor*; отсутствие изящества в повторении одного и того же корня (*decidit, cecidi, cecidit*). Все эти обвинения справедливы – кроме, пожалуй, замечания насчет *livor*, который прекрасно персонифицируется в латинской поэзии, полностью теряя свой абстрактный характер: упрек Шпейера рикошетом попадает прежде всего в Овидия.²⁵

Если сохраняемое Шпейером в заголовке рукописное чтение *Faustum* верно, то мы имеем дело с интересным обыгрыванием имени: и

²² In *Faustum staturae brevis*. Anicii Probini. В. Шпейер (*Speyer. Op. cit.*, 113) не принимает конъектур в венецианском и пармском изданиях Авзония (см. выше прим. 3). Исправляющих чтение по первому стиху на *Faustulum*. В другой главе (*ibid.*, 118 and *Ann.* 2) он высказывает предположение, что адресатом этой эпиграммы был Аниций Ацилий Глабрион Фавст (*Anicius Acilius Glabrio Faustus*), трижды городской префект (в первый раз в 423 г.) и консул 438 г.

²³ Здесь и далее цит. по тойбнеровскому изданию Шпейера: *Epigrammata Bobiensia*. Ed. W. Speyer (Lipsiae 1963).

²⁴ *Speyer. Op. cit.* (см. прим. 12) 115.

²⁵ Нередко *livor* в латинской поэзии употребляется с эпитетом *edax* (*Ov. Am.* I. 15. 1; *Rem.* 389; *Sen. Phaedr.* 493; *Lucan. Phars.* I. 288; *Mart.* XI. 33. 3); довольно часто – без эпитета; иногда – *malus* (*Mart.* X. 33. 6) и др.; последний пример не лучше рассматриваемого.

само по себе оно вступало бы в яркое противоречие с содержанием эпиграммы, а уменьшительно-ласкательный суффикс – “счастливчик”, да к тому же еще и коротышка – придает всей эпиграмме дополнительную остроту (совершенно отсутствующую в оригинале; для переводчика это необоснованный шаг, для поэта – весьма искусный). Те вставки, бесцветность которых отмечал Шпейер, действительно не дают дополнительной информации (*magno elephanto* в этом отношении – классический пример); однако следует отметить, что они находятся на предпоследней позиции в соответствующих стихах. Начало и конец эпиграммы переведены точнее, чем середина, раскрывающая, по существу, одно лишь слово – λακτισθεΐς; это можно рассматривать как проявление того же стремления – сохранить общую структуру и, не привнеся своими добавками ничего по существу нового, сохранить *pointe*, остроту, заключенную в последнем слове (у латинского поэта здесь даже более четкая рамка: он начинает и заканчивает эпиграмму именем, тогда как Лукиллий – сочетанием имени с причастием ἰππεύων, подчеркнутым в последнем стихе при помощи οὕτως). В некотором смысле Аниций Пробин поставил перед собой внутренне противоречивую задачу: второй дистих – треть объема эпиграммы – мог быть вставлен только сознательно, а это значит, что ему придавалось некоторое значение; но общее стремление не видоизменять смысл приводит к тому, что этот ход не реализуется, и перевод имеет в результате всего-навсего менее компактный по сравнению с оригиналом вид, что справедливо отметил Шпейер. В целом его оценка все же нуждается в уточнении – с поэтической точки зрения мы имеем дело с неудачей (хотя и не с провалом), но переводчик со своим заданием справился (ведь лишь с недавних пор признано, что корректный перевод требует эквилинеарности, а переводчику *Epigrammata Bobiensia* эти строгие требования были еще неизвестны).

Epigr. 14

ΑΔΕΣΠΟΤΟΝ ΑΡ XVI, 174:

Παλλάς τὰν Κυθήρειαν ἔνοπλον ἔειπεν ἰδοῦσα·
 Κύπρι, θέλεις, οὕτως ἐς κρίσιν ἐρχόμεθα;
 ἢ δ' ἀπαλὸν γελάσασα: Τί μοι σάκος ἀντίον αἰρεῖν;
 εἰ γυμνὴ νικῶ, πῶς, ὅταν ὄπλα λάβω;

Armatam Pallas Venerem Lacedaemone visens:
 “vis nunc iudicium sic ineamus?” ait.
 cui Venus arridens: “quid me, galeata, lacessis?
 vincere si possum nuda, quid arma gerens?”

Приведем для сравнения текст Aus. *epigr.* 64:

Armatam vidit Venerem Lacedaemone Pallas.

“Nunc certemus”, – ait, – “iudice vel Paride”.

cui Venus: “armatam tu me. temeraria, temnis,

quae, quo te vici tempore, nuda fui?”

Сразу же необходимо отметить, что рассматривать переводы как независимые друг от друга нет возможности: привлечение в одной и той же позиции отсутствующего в оригинале и заимствованного из леммы *Lacedaemone* практически невероятно. Перевод нашего автора точнее авзониевского. Первые стихи двух латинских версий различаются порядком слов и глагольной формой: наш переводчик сохранил по возможности ἰδοῦσα с его позицией, оставив *verbum dicendi* для следующего стиха. Во второй строке Авзоний привлекает отсутствующего в оригинале Париса, демонстрируя этим свою эрудицию; наш переводчик чрезвычайно точен: за исключением не уместившегося обращения и заимствованного из первого стиха *verbum dicendi*, он воспроизводит даже глагольную рамку оригинала, сохраняя верность структуре последнего в деталях. Точнее, чем у Авзония, у него и третий стих, где он также передает причастие причастием, а наречие – приставкой; у Авзония появляется лишнее приложение *temeraria*, из-за которого ему не хватило места на улыбку Венеры.

Дальше мы сталкиваемся с определенной сложностью в интерпретации. Конструкция τί μοι σάκος ἀντίον ἄρειν; должна пониматься иначе: правильный перевод начала ответной реплики Афродиты – “Зачем мне выступать со щитом против <тебя>?”, а не “Зачем <тебе> выступать со щитом против меня?”²⁶ Соответственно этому пониманию (которое подтверждается и последним стихом, где обыгран “щит” из ст. 3) в передаче слова ὄπλα (“защитное оружие”) автор *epigr.* 14 менее точен, чем Авзоний: *armatam* передает эту игру, в то время как вариант *galeata* последователен в своей ошибочности. Но именно как переводчик наш поэт и здесь ближе к своему оригиналу, поскольку нужная игра возникает у Авзония произвольно, в то время как ложное понимание ее не предполагает вовсе. Трудно сказать, почему при этом речь идет о шлеме, а не о щите (причастие *clipeata* в данном случае подошло бы вполне);²⁷ возможно, здесь сказались какие-то личные представления переводчика.²⁸ В последнем стихе у обоих поэтов появляются разные отклонения от оригинала: Авзоний воспроизводит структуру греческого текста с параллеле-

²⁶ Ср., напр., аналогичную конструкцию у Биона (fig. 8. 3): τί μοι πολὺ πλείονα δοχθεῖν;

²⁷ Оба эпитета не характерны для Минервы в латинской поэзии. Параллельные места (исключительно поздние) приводятся в издании Шпейера, *ad loc.* Как правило, *Minerva – casta, innupta, armigera* и т. д.

²⁸ Ср., напр., Aus. *epigr.* 25, 5: hoc mitrata Venus, probat hoc galeata Minerva...

лизмом венчающих полустушия глаголов, зато переводчик *Vobiensia* не меняет временной регистр (в отличие от Авзония, который передвигает его в прошлое; впрочем, присутствие Париса поэтически – но не переводчески – оправдывает этот ход).

Сопоставление двух текстов позволяет сделать предположение об их хронологической последовательности. В рамках переводческого соревнования – а по-видимому, мы имеем дело именно с ним – первый ход, скорее всего, был сделан Авзонием. К этой мысли склоняет важное, информационно насыщенное отступление “в Спарте”, которое нашему переводчику было легче повторить, чем сделать самому. Дальше Авзоний продолжает в своем духе (добавляя Париса с такой же легкостью, как и Лакедемон), а наш переводчик, слегка исправив и приблизив к оригиналу первый стих, возвращается к своей обычной манере. Если в последнем стихе (исключительный случай!) он менее чуток к структуре, чем Авзоний, то это, по-видимому, также объясняется тем, что ему пришлось давать иной вариант, отличный от авзониевского. В любом случае результат его деятельности с большим правом может называться переводом, чем произведение бордоского поэта.

Epir. 28

ΣΤΑΤΥΛΛΙΟΥ ΦΛΑΚΚΟΥ, <οἱ δὲ> ΠΛΑΤΩΝΟΣ ΤΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ (*AP IX*, 44):

Χρυσὸν ἀνὴρ εὐρὼν ἔλιπε βρόχον· ἀτὰρ ὁ χρυσόν,
ὃν λίπεν, οὐχ εὐρὼν ἦψεν, ὃν εὔρε, βρόχον.

ΣΤΑΤΥΛΛΙΟΥ ΦΛΑΚΚΟΥ (*AP IX*, 45):

Χρυσὸν ἀνὴρ ὁ μὲν εὔρεν, ὁ δ' ὄλεσεν· ὦν ὁ μὲν εὐρὼν
ῥίψεν, ὁ δ' οὐχ εὐρὼν λυγρὸν ἔδησε βρόχον.

Thesauro invento qui limina mortis inibat,
liquit ovans laqueum, quo periturus erat,
at qui, quod terrae abdiderat, non repperit aurum,
quem laqueum invenit, nexuit ac periit.

Aus. epir. 12:

Qui laqueum collo nectebat, repperit aurum
thesaurique loco deposuit laqueum.
at qui condiderat, postquam non repperit aurum,
aptavit collo quem reperit laqueum.

Шпейер в своем издании приводит два оригинала; однако легко видеть, что второй не дает для интерпретации стихотворения ничего нового по сравнению с первым. В переводе отсутствуют элементы, у которых было бы соответствие в *AP IX*, 44 и не было бы в *AP IX*, 45, в

то время как обратное утверждение было бы очевидно неверным. Здесь мы, кроме того, имеем дело с той же проблемой, с которой сталкивались при рассмотрении *epigr.* 14: речь идет о поэтическом соревновании, чем и можно объяснить большую подробность перевода по сравнению с оригиналом. Авзоний (*epigr.* 14) также пишет вместо одного дистиха два.

Если исходить из того, что оригиналом явилась именно эпиграмма *AP IX, 44*, то перевод *Bobiensia*, несомненно, точнее. Это сказывается только в содержании: оно одно и то же, и вполне естественно, что удвоение объема должно привести к отступлениям и прежде всего дополнениям. Однако краткость греческого двустишия сама по себе является сильным приемом; стремление, чтобы “словам было тесно”, явно водило пером автора. Его эпиграмма строится на чрезвычайно искусном параллелизме, где второй элемент осложнен двумя придаточными предложениями, между которыми также возникает параллелизм; здесь очень важно было соблюсти повторяемость ключевых слов. Авзоний почувствовал “ключевой пункт позиции” и действительно построил свою эпиграмму на повторении исходов первой и второй строк. Однако схема параллелизма у него совсем иная: переключка идет между равноценными и равновеликими элементами, в то время как воспроизведение переключки придаточных предложений отсутствует. Сохраняя структурную связь с оригиналом, его вариант – благодаря самой яркости переводческого решения – выглядит совершенно иначе, нежели греческая эпиграмма.

Переводчик *Bobiensia* поступил по-другому. Он не обратил должного внимания на лексический параллелизм (возможно, *thesaurus* проник в его перевод как раз из Авзония, где это слово не нарушает общего структурного решения), однако в его варианте чувствуется стремление держаться ближе к тексту. Это сказывается и в попытке передать причастную конструкцию оригинала, от которой Авзоний отказался с легким сердцем, с помощью оборота *ablativus absolutus*, и в воспроизведении придаточных предложений (у Авзония они тоже появляются, но лишь в силу его нежелания иметь дело с причастиями). Не выдержано соотношение объемов: в греческом оригинале судьба владельца золота занимает значительно больше места, чем несостоявшегося самоубийцы, в то время как в латинском переводе на каждого приходится по дистиху.

Теперь обратимся к сравнительному анализу вставок. Они не вполне равнозначны: Авзоний, стремящийся к яркости описания, вводит два эффектных образа с помощью глаголов *nectebat* и *aptavit*. Напротив, переводчик *Bobiensia* в своих добавлениях к оригиналу (*limina mortis*

inibat; ovans; quo periturus erat) не дает – по своему обычаю – никакой информации, которую нельзя было бы извлечь из исходной эпиграммы. Его последняя вставка, – *nexuit* – вероятно, навеяна авзониевским *nectebat*: если у Авзония это действие вполне уместно, то в разбираемом переводе употребление этого слова в данном месте говорит о свойственном нашему автору недостатке воображения. Как переводчик он оказался на высоте – и, по-видимому, добился бы еще большего успеха, если бы вариант Авзония не подсказывал ему ложных ходов; но с чисто поэтической точки зрения его вариант значительно уступает яркой эпиграмме Авзония.

Epigr. 29

ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ (AP IX, 45):²⁹

Ἐκ κυνὸς εἶλε κύων με. τί τὸ ξένον; εἰς ἐμὲ θῆρες
ὕγροι καὶ πεζοὶ θυμὸν ἔχουσιν ἔνα. –
Αἰθέρα λοιπὸν ἔχετε, λαγοί, βατόν. – Ἄλλὰ φοβοῦμαι,
Οὐρανέ· καὶ σὺ φέρεις ἀστερόεντα κύνα.

E cane me ponti canis excipit. ah dolor: in me
udis et siccis unus inest animus. –
“aethera iam, lepores, conscendite”. – mi metus est par:
curritur et caelum sideribus canibus.

Aus. *epigr. 35*:

Trinacrii quondam currentem in litoris ora
ante canes leporem caeruleus rapuit.
at lepus: in me omnis terrae pelagique rapina est,
forsitan et caeli; si canis astra tenet.

В данном случае мы сталкиваемся с теми различиями, о которых уже шла речь раньше: перевод автора *Bobiensia* гораздо ближе к оригиналу, и, поскольку оба варианта эквилинеарны, эта близость становится еще очевиднее: есть соответствие и стоящему в начале предлогу, и рамочной конструкции *κυνὸς – κύων*, и форме *θυμὸν* во втором стихе. Ничего подобного нет в переложении Авзония, зато он конкретизирует место действия, демонстрируя свою эрудицию выбором самого поэтического из названий Сицилии; из-за этого ему не хватает места даже для вторичного употребления слова *canis* – если не для того, чтобы воспроизвести миниатюрную рамку первого стиха, то хотя бы для того, чтобы избавиться от перенапряжения во втором, вызванного слишком явственной лакуной. В следующем дистихе наш переводчик сохраняет соотношение прямой и авторской речи, начиная первую точно так же, как и греческий поэт; Авзоний ограничивается пересказом, добавляя условный период,

²⁹ Cp. Germ. *Arat.* 341 sqq.

на который в подлиннике нет ни малейшего намека. При этом собственно поэтическая техника нашего автора хромает: во времена Кв. Лутация Катула были позволительны стяженные варианты вроде *mi*, однако для данной эпохи он выглядит как простая неряшливость; недостаточно отделана и последняя строка, поскольку *sideribus* – учитывая оригинал – производит впечатление прилагательного, и очевидный вариант *sidereis canibus* выглядел бы лучше.³⁰ Само грамматическое оформление недостаточно убедительно. Переводчик оказывается на высоте; о поэте нельзя сказать того же.

Рассмотрев три стихотворения, мы можем сделать несколько предварительных выводов: переводческая манера во всех трех случаях примерно одна и та же и отличается характерными чертами, не свойственными Авзония³¹ и поэтам I в. до Р. Х., также *переводившим* – при всей условности термина – эпиграммы (Кв. Лутацию Катулу, Цицерону, Катуллу): наш поэт более чуток к структуре оригинала (правда, он не склонен выдерживать принцип эквилинеарности, не сформулированный римлянами, но более или менее самоочевидный при стремлении переводчика приблизиться к образцу); он не стремится блистать эрудицией и не добавляет в свои произведения новой информации; практически наверняка можно утверждать, что, работая с уже переведенными Авзонием эпиграммами, он был знаком с его версиями и испытал их влияние – однако и с учетом последнего он дает более похожие на подлинник варианты. Кроме того, как поэт он слабее бордосца:

³⁰ Ср. *Ov. Fast.* IV. 941 (pro cane sidereo) и издание Шпейера *ad loc.*

³¹ О переводческой технике Авзония см.: F. Stahl. *De Ausonianis studiis poetarum Graecorum*. Diss. inaug. (Kiliae 1886); F. Munari. *Ausonio e gli epigrammi greci // SIFC* 27/28 (1956) 308–314; Idem. *Die spätlateinische Epigrammatik // Philologus* 102 (1958) 127–139. Мне осталась недоступной работа: F. Benedetti. *La tecnica del vertere negli Epigrammi di Ausonio* (Firenze 1980). Ф. Шталь следующим образом резюмирует особенности переводческой техники Авзония: “Как правило, сталкиваешься с переводами (*versiones*) достаточно тщательными, однако неоднократно испытанными на себе исправления со стороны поэта... Не только целиком воспроизводится оригинал, но и прибавляются детали, которые Авзоний либо выдумал сам, либо позаимствовал в другом месте” (с. 34). Ф. Мунари также отмечает двойственность подхода Авзония к проблеме адекватности перевода: “Нельзя говорить об отсутствии переводов замечательно верных, но в большей своей части они служат отправной точкой для более или менее свободных переделок... Многие добавления неубедительны: Авзоний – не рожденный эпиграмматист, как Марциал...” (Munari. *Ausonio...* 312). В этих рассуждениях много справедливого, однако они нуждаются в дополнениях. Главный мотив переводческой деятельности Авзония – борьба с поэтическими трудностями: при этом он обречен вкладывать в свои пьесы иное ядро, нежели в оригинале (если оригинал не создан под влиянием аналогичного импульса). Тот же самый субъективизм мы можем отметить в его реминисценциях. Еще одна черта авзониевского переводческого стиля – стремление украсить оригинал “эрудицией”. Появляются новые имена, намеки на мифологические события (ср. *epitaph.* 1, 2, 3, 7, 10, 28. *epigr.* 35, 64, 95).

элементы его переложений не образуют такого стройного и взаимосвязного целого. Эти особенности действительно характеризуют подавляющее большинство переводов. Мы практически нигде не встречаем мифологических имен и названий, которых не было бы в оригинале; два исключения – эпитет *Troius* для Энея (45, 5) и *Apollineus* для ворона (62, 3; перевод гесиодовского фрагмента) – скорее подтверждают правило.³²

Что же касается принципов работы с оригиналом, то беглый анализ материала позволяет охарактеризовать их даже подробнее. Рассмотрим, например, *epigr.* 10:

[ΑΝΑΚΡΕΟΝΤΟΣ] ΑΡ IX, 715:

Βουκόλε, τὰν ἀγέλαν πόρρω νέμε, μὴ τὸ Μύρωνος
βοῖδιον ὡς ἔμπνουσιν βοῦσι συνεξελάσῃς.

Pasce boves, pastor, procul hinc, ne forte Myronis
vaccam ut spirantem cum grege falsus agas.

Наличие в оригинале артиклей и сравнительная краткость нескольких латинских соответствий заставляют искать *chevilles* для заполнения пустот; и в первом, и во втором стихе эти “затычки” приходится на предпоследнее слово. Переводчик вполне отдает себе отчет в ключевой позиции исхода стиха и стремится сохранить соответствие на том же месте; вставка *falsus* не сообщает никакой дополнительной информации, и ее выбор объясняется, по-видимому, именно стремлением сохранить близость к оригиналу.

В других случаях наш переводчик также проявляет особое внимание к исходу строки. Последнее слово греческого стиха сохраняет у него свое место на каждом шагу: 10, 1 и 2; 13, 2; 14, 1 и 4; 15, 1 и 3 (если не считать вставки *utraque*, сильно изменяющей впечатление от *животисного* произведения и свидетельствующей о недостатке воображения у нашего поэта, перевод этой эпиграммы чрезвычайно близок к оригиналу – *AP XVI, 178*); 18, 1; 29, 4; 30, 1 и 2; 45, 13–14 (несмотря на то, что к стихотворению приписан иной финал); 46, 2, 47, 1 и 64, 2 (с великолепным воспроизведением “домашними” средствами эпических цитат); 53, 1 (два слова с заменой *χεῖρ* на *mens*) и 8; 63, 1 и 3 (изменение имени героя на *Theombrotus* очевидным образом опирается на определенную западную традицию: ср. *Cic. Tusc. I, 84, 1–3* и *Scaur. 4, 1–7*); 65, 1 и 6; 71, 3, 4 и 5. Мы не учитывали в этом перечне случаи, когда соответствие было не столь явным (например, глагол с иным значением, играющий аналогичную роль и занимающий то же место, либо другое имя из нескольких в безразличной последовательности).

³² Мы оставляем в стороне *epigr.* 20, которая представляет собой отдельную проблему.

Стремясь прежде всего оформить сходным образом исход стиха, переводчик затем возвращается к его началу. Зачины также зачастую совпадают; последовательность остальных элементов не столь важна. После этого, продолжая свой путь к уже готовой клаузуле, автор *Bobiensia* выстраивает все требуемые слова как получится (никто ведь не будет требовать дословных переводов в прямом смысле!); и когда он добирается до предпоследнего места, весь намеченный запас уже израсходован. Здесь, понятное дело, речь не идет об осознанном принципе; по-видимому, у переводчика бессознательно сложился такой стиль работы, который проявляется – то ярче, то бледнее – во многих эпиграммах сборника.

Перечислим вставки на предпоследнем месте: 10, 1 и 2; 13, 2 *magis* (правда, на третьем месте от конца; то же: *epigr.* 47, 2); плеоназм *salis aequore* в 15, 3, 4 и 5; 25, 4 (эпитет *navifragum* для моря; в следующей эпиграмме, противоположной по тенденции, море – в том же месте стиха – становится *velivolum*); 28, 1; оба стиха *epigr.* 32; 44, 6 (*pro meritis*); 65, 5; 71, 3 и 5 (*vana*).³³

В заключение рассмотрим более подробно еще одну переводную эпиграмму корпуса.

Epigr. 71

ΑΛΚΑΙΟΥ (AP VII, 247):

Ἄκλαυστοι καὶ ἄθαπτοι, ὄδοιπόρε, τῷδ' ἐπὶ τύμβῳ³⁴
 Θεσσαλίας τρισαὶ κείμεθα μυριάδες,
 <Αἰτωλῶν δηθέντες ὑπ' Ἄρεος ἢδὲ Λατίνων,
 οὓς Τίτος εὐρείης ἤγαγ' ἀπ' Ἰταλίας,>
 Ἦμαθίη μέγα πῆμα: τὸ δὲ θρασὺ κείνο Φιλίππου
 πνεῦμα θοῶν ἐλάφων ᾤχετ' ἐλαφρότερον.

Milia triginta hic infleta inhumata, viator,
 Thessaliae (*Mariotti*; Aetolum *cod.*) hoc uno contegimur tumulo,
 Aetolum (*Speyer*; Tyrr<h>enum *cod.*) confecta manu turmisque Latinis,
 quas Titus ingenti duxit ab Italia,
 Emathiae excidium, cum gloria vana Philippi
 fugit: abiit cervis ocior et Zephyris.

В рукописном тексте *Bobiensia* географические понятия и этнонимы совершенно иные: этолийцы перекочевали во второй стих, вытеснив оттуда Фессалию, а их место заняло слово *Tyrr<h>enum*. Шпейер

³³ Пассаж *epigr.* 14. 1 не в счет, поскольку несет на себе явный след авзониевского влияния.

³⁴ Плутарх в биографии Тита Фламинина (9, 2) сообщает об истории создания этой эпиграммы и дает другое чтение: τῷδ' ἐπὶ νότῳ вместо τῷδ' ἐπὶ τύμβῳ.

уверенно исправляет чтение, основываясь на греческой эпиграмме и на соображениях об ожидаемой точности перевода (“почти все стихотворения этого рода в нашей книге [т. е. эпиграммы 10, 11, 14, 53, 55] – образчик сколь можно более верного перевода греческого оригинала”³⁵). В данном случае эта аргументация представляется убедительной: бессмысленный текст в любом случае заслуживает исправления. Совершенно очевидно, что не Плутарх был источником нашего переводчика; этот последний не заметил внутреннего противоречия неисправного текста и, не зная обстоятельств сражения при Киноскефалах, в одном из отступлений делает ошибку против здравого смысла и истории: *turmae* – это кавалерия, а “римские эскадроны” в битве не участвовали; победой римляне были обязаны союзникам, в данном случае – этолийской коннице.

Собственно стихотворная техника не слишком хороша. У алкеевской эпиграммы столь сильное начало, что от него нельзя отказаться безнаказанно; противопоставление (отсутствующее в оригинале) тридцати тысяч павших и *одной* братской могилы не в состоянии компенсировать этой потери. Кроме того, воспользовавшись неисправным, по-видимому, текстом, переводчик доводит до логического конца его противоречивость: *inhumata... contegimur tumulo* слишком бросается в глаза, между тем как в греческом оригинале – благодаря предлогу и глаголу, располагающим более широкой возможностью интерпретаций, – контраст между этими двумя элементами не столь разителен. *Ingenti* не является таким же естественным эпитетом для Италии,³⁶ как алкеевское εὐρείης – однако следует признать, что у римлянина ничего и не было лучше под рукой; невоспроизведенная здесь внутренняя рифма с лихвой компенсируется двумя другими пентаметрами, и склонность греческого поэта к параллелизму в четных стихах латинский переводчик воспроизводит вполне. Топос бегства в греческом оригинале также обработан с большим вкусом, чем в латинском переводе. Лучше было бы, как у Алкея, ограничиться одним сравнением, а не прибегать к двум столь разнородным элементам, не имея достаточной возможности мотивировать их соседство. Этот перевод также обладает особенностью, отмеченной выше: *cheville* занимает предпоследнее место в строке (стт. 3 и 5). Переводческая точность образует здесь удивительное сочетание с поэтической небрежностью.

³⁵ Мунари в этом случае не столь радикален: он оставляет тирренцев.

³⁶ В римской поэзии это редкий мотив; в качестве исключения приведем пример из Вергилия (*Aen.* IV, 345 sq.): *sed nunc Italiam magnam... iussere capessere sortes*. В данном случае эпитет подчеркивает величие миссии Энея.

Обобщим высказанные выше наблюдения и сделаем из них выводы. Эпиграмматические переводы корпуса можно разделить на несколько групп. Эпиграммы 10–13, 14, 15, 18, 19, 28, 29, 30, 32, 44, 46, 63, 64, 65, 71 (некоторые из них были нами рассмотрены) отличаются весьма ярким сходством переводческой манеры, которая, на наш взгляд, позволяет сделать заключение о едином авторе. *Epigr.* 55–56 (недостаток места не позволяет нам останавливаться на них подробнее) сильно превосходят оригинал по объему; стилистические признаки, как нам кажется, позволяют отнести их к той же группе. *Epigr.* 31, 34–35 не обладают яркими характеристиками: возможно, они также принадлежат к этой группе, но здесь трудно говорить о достоверности. Наконец, эпиграммы 25–26 и 45 содержат значительные дополнения, сохраняя ту же манеру перевода. Вкратце еще раз перечислим ее основные особенности: внимание к структуре стиха (желание сохранить его “рамку”, приводящее к выстраиванию от исхода к началу с последующим заполнением пространства между ними, так что “лишний” элемент часто оказывается на предпоследнем месте, причем, по возможности, не несет дополнительной информации); нежелание щеголять эрудицией, проявляющееся в последовательном отказе привносить от себя мифологические имена и названия; при всем том – отсутствие внимания к эквилинеарности перевода; недостаток воображения, приводящий к внутренним нестыковкам и противоречиям, иногда весьма существенным и бросающимся в глаза. Мы не видим причин сомневаться в достоверности титула 65-й эпиграммы и потому полагаем, что по крайней мере большинство стихотворений *Bobiensia* принадлежит перу Аниция Пробина.

Этот последний³⁷ принадлежал к знатной семье, представители которой в последиоклетиановский период постоянно занимали высшие государственные должности и были лидерами христианского меньшинства в сенате. Аниций Пробин родился вскоре после 376 г., был – в весьма юном возрасте – консулом вместе со своим старшим братом Олибрием (395 г.; по этому поводу написан известный панегирик Клавдиана), через два года – проконсулом Африки и в 416 г. префектом Рима. Кроме Клавдиана его упоминает Симмах, адресовавший Аницию Пробину несколько писем (V, 67–71). Однако у нас есть еще один текст, позволяющий, как нам представляется, до некоторой степени пролить свет на взаимоотношения Аниция Пробина и Авзония. Совершенно очевидно, что от переписки великого бордосца сохрани-

³⁷ O. Seeck. Anicius 47 // *RE* I (1894) 2207.

лись лишь жалкие остатки: человек, в *принципе пишущий письма*, к тому же такой словоохотливый и честолюбивый, как Авзоний, не мог ограничиться тем, что дошло до нас в XVIII книге его произведений. Среди этих писем есть, однако, послание (*epist.* 12 Peiper [10 Prete]), адресованное отцу Аниция Пробина, Сексту Петронию Пробу, префекту претория (р. ок. 330 г., проконсул Африки в 358 г., коллега Грациана по консульству в 371 г., ум. ок. 398 г.). Приведем начало этого письма:

Apologos Titiani et Nepotis chronica quasi alios apologos <...> ad nobilitatem tuam misi, gaudens atque etiam glorians fore aliquid, quod ad institutionem tuorum sedulitatis meae studio conferatur <...>. Fors fuit, si mihi vita suppetet, aliquid rerum tuarum quamvis incultus expoliam: quod tu etsi lectum non probes, scriptum boni consules.

За вежливой формой письма чувствуются общие литературные интересы, связывающие корреспондентов; по-видимому, Авзоний действительно оказывал Пробу библиографические услуги, и при этом *именно в деле воспитания детей*. Так что мы не можем сомневаться, что бордоский поэт знал Аниция Пробина, а возможно, и принимал заочное участие в его воспитании (когда Авзоний в 379 г. вернулся в Бордо, Аниций Пробин, которому тогда было около трех лет, еще не мог пользоваться его услугами; встреча была бы возможна в 388 г., во время недолгого возвращения поэта ко двору Феодосия). Стихотворный текст письма говорит о том, что скорее всего Пробу не был чужд интерес к Гесиоду.³⁸ Этот интерес унаследовал и его младший сын, чему служит доказательством *epigr.* 62 (перевод уже упоминавшегося Hes. fr. 304 Merkelbach – West) и “гесиодовская” добавка о лживости поэтов в переводе *epigr.* 45.

Разница в возрасте между двумя поэтами была велика (в то время как Авзоний и Науцеллий – почти ровесники); однако долгая жизнь Авзония (393 или 394 г.) могла позволить ему увидеть первые поэтические опыты Пробина. Насколько значительно было влияние бордоского поэта на литературные увлечения Аниция, какими путями оно осуществлялось, – этого мы сказать не можем. Нам придется ограничиться фактом личных взаимоотношений,³⁹ причем единственное, о чем можно в этой связи говорить с уверенностью, – заочное участие

³⁸ 27–30: Generi hic superstes aureo / satorque prolis aureae / convincit Ascræum senem / non esse saeculum ferreum...

³⁹ Ср. у Мунари: “Пять *Bobiensia* воспроизводят тот же греческий оригинал, который мы обнаруживаем у Авзония среди эпиграмм или в иных местах. Это не может

бордоского поэта в воспитании знатного юноши. Этот факт, несомненно, связан с тем, что ряд произведений Аниция Пробина дошел до гуманистов в составе авзониевского архива (без чего они вряд ли могли бы появиться в первопечатных изданиях под именем Авзония). Поэтому мы полагаем, что главный вопрос, который нужно решать в связи с кодексом из Боббио, состоит не в том, как в сплитский архив Науцеллия попали посторонние эпиграммы (чем занимались в определенной мере Мунари и Шпейер), а в том, каким образом творческое наследие Науцеллия (точнее, его позднейшая часть) попало в корпус, центральное место в котором занимали стихотворения Аниция Пробина и где, возможно, были и произведения Авзония (также скорее всего позднейшие).

Здесь мы должны сказать несколько слов в защиту нашего поэта. Шпейер в своем издании не нашел для него ни одного теплого слова; по-видимому, низкое качество являлось для него важным критерием атрибуции. Мы вообще не считаем, что художественный уровень может служить в этом вопросе надежным критерием, — но наш анализ привел к совершенно другому выводу: если Аниций Пробин (что мы пытались доказать) действительно является автором большинства переводов корпуса, его способности и отношение к ремеслу не заслуживают столь резкой оценки, хотя поэтические данные его и стоят ниже переводческого таланта. В этом отношении симпатии Мунари, не устававшего подчеркивать качество переводов, как нам представляется, более оправданны и находятся в согласии с истиной.

Пейпер в своем издании так сформулировал принцип обращения бордоского поэта со своим архивом: “*Quaedam multis post annis demum emendavit absolvit, notariis dedit, publicavit... ut non dicam libros, qui sensim multis cum contexerentur carminibus deinceps natis, diu in scriniis latuerunt... velut Eclogarum liber atque Epigrammatum inprimis posteriora*”.⁴⁰ Таким образом, по-видимому, мы имеем дело с этим заветным *scrinium*, содержащим поздние, не успевшие стать достоянием широкой публики эпиграммы Авзония и хронологически близкие (либо несколько более поздние) произведения поэтов,

быть случайностью, особенно если вспомнить, что Авзоний и автор (или авторы) *Bobiensia* были добрыми друзьями одной и той же личности — Симмаха. Хронологические соображения наводят на мысль о приоритете Авзония, и потому должно заключить, что на сборнике из Боббио сказался его пример” (Munari. *Die spätlateinische Epigrammatik*. 132).

⁴⁰ Peiper. *Op. cit.* (см. прим. 4) VI. Из того же предисловия (с. XVI–XVII) видно, что ни одна рукопись не содержала эпиграмматического корпуса Авзония целиком.

прямо или косвенно связанных с Авзонием узами творческого общения.

Какова была судьба неопубликованного поэтического наследия Авзония, каким образом оно соединилось с произведениями Науцеллия, Пробина и других, о которых здесь не было речи, – мы сказать не можем, и, по-видимому, в рамках наших сведений ответа на эти вопросы нет; дальнейшие рассуждения на эту тему рискуют оказаться одной из разновидностей жанра научной фантастики. Тем не менее, как представляется, стилистический анализ переводческой техники поздней латинской эпиграммы позволяет несколько приблизиться хотя бы к правильной постановке этой проблемы.

А. И. Любжин

Museum Graeco-Latinum, Москва

Le corps des *Epigrammata Bobiensia*, découvert par A. Campana et publié par F. Munari, présente un certain nombre de versions épigrammatiques encore peu étudiées; cependant celles-ci forment presque le tiers du recueil qui contient au total 71 poèmes (*carm.* 10–15, 18–20, 25–26, 28–32, 34–35, 44–46, 49, 55–56, 62–65, 71; les pièces 49 et 62 n'appartiennent pas au genre épigrammatique). Quelques épigrammes étaient déjà connues dans les vieilles éditions d'Ausone, ce qui posait encore un problème difficile. D'après l'opinion de F. Munari, presque toutes les épigrammes, à l'exception de celles dont le titre donne un autre nom (37: Sulpicia; 39, 40: Domitius Marsus; 65: Anicius Probinus), sont du même auteur, Iunius ou Iulius Naucellius. L'examen réalisé par W. Speyer (*Naucellius und sein Kreis*, 1959) démontre les points faibles de cette opinion; malgré la polémique philologique (voir *Gnomon* 32 [1960] 340–360) il n'y a pas de raison de mettre en doute cette conclusion; tout en livrant un grand nombre d'observations bien utiles, l'étude de Speyer ne touchait pourtant pas la plupart des versions épigrammatiques.

Dans les versions on peut souvent sentir l'influence directe d'Ausone. Il y a même quatre cas où les poèmes du recueil ont la même source grecque et sont très proches des versions d'Ausone: 14 (*AP* XVI, 174) / *Aus. epigr.* 64; 28 (*AP* IX, 44, 45) / *Aus. epigr.* 12; 29 (*AP* IX, 45) / *Aus. epigr.* 35; cf. 62 (Hesiod. frg. 304 Merkelbach – West) / *Aus. Ecl.* 4. Mais l'étude du corps des versions (plus exactes que d'habitude) permet de découvrir la manière de version poétique de son auteur, contraire à celle d'Ausone: 1) le traducteur des épigrammes ne laisse qu'à contrecœur pénétrer de nouveaux détails savants (des héros mythologiques, des noms poétiques des lieux, etc.) dans ses versions (ce qu'Ausone fait très volontiers); 2) le dernier mot de vers du poème original garde sa place dans la version: 10, 1 et 2; 13, 2; 14, 1 et 4; 15, 1 et 3; 18, 1; 29, 4; 30, 1 et 2; 45, 13–14; 47, 1; 53, 1 et 8; 63, 1 et 3; 65, 1 et 6; 71, 3, 4 et 5; on observe la même tendance pour le

commencement de plusieurs vers. En continuant à former le vers dès le commencement, le traducteur épuise son matériel et réserve l'avant-dernière place pour une cheville, qui, à son tour, ne livre pas d'information nouvelle (l'exemple le plus frappant est 65, 1 *magno elephanto*; cf. 10, 1 et 2; 28, 1; 32, 1 et 2; 13, 2; 44, 6; 65, 5; 71, 3 et 5). Comme Ausone, l'auteur de ces versions ne se préoccupe point de conserver le nombre de vers; souvent les vers superflus ne sont qu'une paraphrase de quelques paroles de l'original.

L'épigramme 65 a le titre *In Faustum staturae brevis. Anicii Probini*. N'ayant pas de raison de mettre en doute cette attribution, et vu que la plupart des versions appartiennent au même auteur, on peut considérer Anicius Probinus (n. 376, cos. 395) comme l'auteur des *epigr.* 10–13, 14, 15, 18, 19, 28, 29, 30, 32, 44, 46, 63, 64, 65, 71 (peut-être encore 31, 34–35, 55–56, mais pas 20). Les relations de la famille des Anicii avec Ausone sont attestées par ce dernier (*epist.* 12).

Les savants apprécèrent Anicius Probinus comme un poète chétif; W. Speyer lui attribua les quatre pires pièces du corps. Seul F. Munari trouva des louanges pour ses versions exactes et parfois belles; la comparaison avec les imitations et les versions des prédécesseurs qui s'occupaient des épigrammes (Catulus, Catulle, Cicéron et, bien sûr, Ausone) nous permet de rendre justice à Anicius Probinus qui peut prétendre à une certaine place dans l'histoire de l'art de la version poétique.